

ВТОРЫЕ ТЕКСТЫ

1969 — 1992

*Нам нет прощенья, пёс
на мне танцует, лес
в груди зарос
шиповником,
и шагом мерным
идет в песках висков моих
верблюды.*

1969 — 1973

СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ СБОРНИКА «ТЕМЫ»

(1972-1973)

Кто-то встал
И стоит.
Зубы сжал
И молчит.
За спиною маячит,
По спине палкой стучит.

•••

И одиночество в груди.
И поселка узкая дудка.
И свист от забора до забора,
Как будто мы не вместе, а каждый впереди:
Так по дороге — повернутое к небу лицо
Пришедшее из скрипа
Мягких зимних деревьев,
У которых стоят — неизвестно кто:

Так ничего не видно за домами:
Кто проходил, кто крался в тишине?
Здесь одна дорога ведет прямо,
И она скрипит, скрипит как закрытая дверь.
И не только мы неизвестно зачем
Идем друг за другом в одиночестве:
Все, все жмутся к замочным скважинам,
Чтобы увидеть, кто это идет.

Не страшно, что на самом деле никто не ходит.
Хуже с закрытыми глазами наткнуться на спину
Мне — на твою, я люблю тебя и не хочу, чтобы ты
испугалась.
Но хуже тем, кого уличат в нескромности.

И все снизу доверху засыпано сеном!
Кто здесь работал, куда повернуться, где небо.
С меня довольно сказочной Луны, а тебе,
Я не знаю тебя, да и где твое тело под сеном?
Все, все скрывается с наступлением ночи,
Только звуки — они еще нам остаются:
Лай собак и шум ветра — это все дарит нам ночь,
А мы можем петь, подбадривая одинокого путника.

Но стоит выйти из поселка
Умолкает песня и ты крепко прижимаешься ко мне.
Вокруг ни души. И никто не знает, что мы делаем.
Страшно ли нам — и этого не узнает никто.

●●●

Метель голодная мне вытерла лицо.
Я знаю, одинокая здесь глушь.
Здесь одинокое повисло небо.
Здесь ночь о чем, не знаю, плачет странно.
Я холм все тот же где-то здесь ловлю,
Здесь голову я положу на плечи
Тебе одной, которую не знаю.
Когда-то вместе жили мы здесь долго...

●●●

Сторожу потемневшее лето,
А на мне — тяжелая шуба,
Я хожу в той шубе по дороге,
По дороге вокруг желтого леса.
А глаза мои — внутри пустые,
И гремят, как медные погремушки,
Я придерживаю их руками,
Чтобы не так гремели.

Но и руки мои — не руки,
А под ветром стонущие трубы,
Я лицо мое ими закрываю,
Но лицо мое — желтый бубен.
Одиноко я брожу по дороге,
Сторожу потемневшее лето,
Гулкий звон по лесу раздаётся
От моей шубы железной,

Да разве кто-нибудь есть на свете?

Не наглядеться в те последние дни.
Довольно напрягать пальцы!
Во дворе послышится торопливое пощелкивание:
Кого ждать, от кого оберегать себя, раскрывая глаза?

Однако, ждут за насыпью, напрягают слух.
Черт, выкопали траншею.
Перепрыгиваю с мертвым телом:
Все вышибли окна, все жилистые подворотни нараспашку!
А в другую сторону тоже страшно ночевать:
Негде приткнуться среди героев.
Они наклоняются, чтобы выбраться,
А я, разве я могу запереться в кинотеатре накрепко?

По дороге стану богатым.
Стану ухаживать за женщинами, которые мне снятся.
Или вот эту группу людей около дворца пионеров
Растяну на всю ночь, чтобы они здесь шлялись.

И заодно уж доберусь до тех полей,
Которые вижу всегда внизу, раскрашенными в разные цвета.
И зачем на берегу сохнуть мне с женщиной на совести?
Не дай бог, заболела она и умерла.

Все закрыто
И в город загробный
Мной забытый,
Как ворон огромный

Я влетаю
И час бесконечный
Отбивают
Часы на Кузнечной.

На углах посторонних
И серых
Не стоят пешеходы,
На стенах

Не трепещут под ветром
Плакаты,
Только крысы на крышах
Покатых.

Точно так проезжала
Годива,
Только город не тот,
Не счастливый,

Где не встретиться
Сколько не биться

В эти двери слепые
Как лица.

Над постороннею рекой
Ударю в колокол вчерашний,
И полетит за упокой
Орел разбуженный и страшный.

Мне нечего тебе сказать
И улыбнуться невозможно.
Перешнурованным играть
Нельзя продуманно и сложно.

Я затихаю вдалеке
В холодной заповеди лета.
Орел, летящий налегке
Сверкнул как мертвая комета.

И гулок колокол в горах
Над постороннею землёю.
Орел, летящий на шнурах
Не связан более со мною.

Лес таит в себе товарища
Заблудившегося товарища.

Река таит в себе товарища
Захлебнувшегося товарища.

Снег таит в себе товарища
Замерзшего товарища.

Смерть таит в себе товарища
Умершего товарища.

●●●

Поезд ночной.
Онеггера почувствовал город.
Горе ночное
Мне негде почувствовать голод:
Голод ночного начальника
с белой цепочкой
чая стакан
и печального хлеба листочек.

●●●

Но как-нибудь мы соберемся,
Сколотим огромный плот
И поплывем на ту сторону.
В молчании по недвижной воде
понесет нас плот:

Страшную группу в разноцветных одеждах,
ибо многие из нас
велики и уродливы,
а тела других
многоруки и белы
как кошмарные видения сумасшедших.

•••

Я незаметно и высоко нагнулся над равниной
и прислушиваюсь
как в городе разгребают рыхлый и белый двор
выкидывают из ямы порванные мячи
и за ними
вытаскивают два маленьких, склеенных тела
ароматных и блистающих под белой Луной.

•••

В голове ходят маленькие женщины,
Они смотрят на впалые глаза мои,
В голове стучат поздние гости,
Они тоже хотят есть.

Я не буду больше знать кто это
Смотрит с дерева на меня,
Я не буду больше плакать на скамейке
Около кладбища, где стоят катафалки.

Я не знаю, о ком так рыдает старушка
С дедушкой в капюшоне рваном.
Это бес, может быть, из дырочек
Просовывает ко мне свои лапки.

Я не знаю, откуда песня слышится.
Песня весны. И пузыри из мягкого розового рта.
Я не знаю вашего имени — слова проклятого,
Я сижу здесь один как и раньше.

Где ты ходишь, мой черный архангел,
Приди и вонзи мне в шею свой клык
Пропахший медью зеленой и вербой старинной,
И я упаду под чьи-нибудь современные ноги.

О мой старый, мой траурный год детства!
В Сокольниках никого не осталось из тех,
Кто знает обо мне что-нибудь хорошее.
Но ты, жестокая вьюга домов и колоколен,
Окровавила свой пиджак до локтей острыми!

•••

— Монах Бао Юй! Монах Бао Юй! — с удивлением слушает компания Шуберта поэму Эйхендорфа, которую тот читает в гостиной своего приятеля поэта Мёрике.

— Монах Бао Юй! Монах Бао Юй! — разносится по всему дому зычный голос Эйхендорфа.

— Но разве это поэма? — вскакивает со стула Шуберт, после того, как Эйхендорф перестал выкликать имя монаха Бао Юя.

— Это не поэма, это просто выкликание незнакомого нам имени! Объясните, причем здесь мы? — все более свирепеет Шуберт, подбегает к окну и долго смотрит на пустую улицу. Ничего не увидев, он возвращается на место, стыдясь своей вспышки и не глядя ни на кого из присутствующих.

— Моя поэтическая речь, как и всякая поэтическая речь раньше была насыщена пафосом, — объясняет Эйхендорф Шуберту свою поэму о Бао Юе. — В этой поэме я наконец смог отказаться от пафоса. Это же подвиг, Фридрих, как ты этого не понимаешь?

— О, милый Эйхендорф! Если бы это смутило меня! Пафос — дитя гордости. Все наши произведения пропитаны пафосом, потому что наша так называемая духовная жизнь — сплошное самолюбование! Ты — истинный герой, Эйхендорф (забыл, как тебя по имени). Но не в этом дело. Почему именно Бао Юй? Китаец?

— О, это очень просто, милый Фридрих! Бао Юй, главный герой романа «Сон в красном тереме» неожиданно пропадает в снежном поле, влекомый под руки двумя монахами — даосским и буддийским. Отец его, Цзя Чжэн, присутствует при этом, но так поражен происходящим и испуган, что не может вымолвить ни слова. Вспомнив этот эпизод, я вдруг почувствовал необходимость вмешаться и как бы от имени Цзя Чжэна стал звать Бао Юя, вот, собственно, и все.

•••

МЕЛЬКАНИЕ ОГНЕЙ

В трех километрах от станции «Каллистово», на горе, не имеющей названия, был некими людьми подвешен на высокую сосну маятник с огнем. Издали наблюдая за дугой света, все медленнее и короче чиркающей по склону горы, некие люди, соорудившие маятник, дождались того момента, когда пятно света стало неподвижно и, последний раз взглянув на огонь в темноте наступившей ночи, назвали гору «ГОРА МЕЛЬКАЮЩИХ ОГНЕЙ».

1977

Я еще чуть-чуть могу
на звезду, что ли, бегу.

Местность пересечена.
Дыханья нет. Вокруг весна.

Остановиться бы пора.
Жду жизни с ночи. Смерть — с утра.

А вон и мелькнуло вдалеке.
Чуть легче меня, хоть и я налегке.

А если легче меня — летит.
В птичьей проблеске рассвет проблестит.

Пока же не найден. На звезду бегу.
Ночью одиночества дышать могу, могу.

●●●

В снегу и крыши и руки
и голова моя
и глаз не видно
да я и видеть их не хочу

в черноте бесконечной мысли
не только своей
не ожидаю рассвета
а схода всего на нет

знаю, почему так получилось
накопилось, навалилось и прорвало
но что же делать
по-другому ведь и быть не могло

обидно, что безумие раньше
смерти пришло
топчусь на снегу старый, рваный
танец ожидания сочиняю ногой.

Проезжай-ка мимо на санках
мальчик, малыш побыстрей
дядька здесь стоит страшный, заразный
а был когда-то такой же, как ты.

ИЗ «ДЕВЯТНАДЦАТИ СТИХОТВОРЕНИЙ» 1982 ГОДА

Приехал в холодину, мерзавец
на спине нарисован заяц.
Скоро будет ёлка.
Закрой третий глаз, блядь.
Еще так долго-
говорит мать.

•••

Душа бегемота
вмещает в себя тонну мяса.
Она представляет собой
чистую мысль,
чистое желание,
чистую жизнь.

•••

Девушка с черепаховой заколкой
умерла на рассвете зимой.
Что можно еще об этом сказать?
Ведь не бесконечно же поле белого снега,
временно безнадежен дом
и оставлены вещи.
Но не хочется говорить о жизни,
о неотвратимой весне.

И я буду спокоен как груша,
как Будда.
И я буду орать временами про деньги,
и сам себя я буду жалеть.
Незаметно придет, подступит
терпение смертное.
В переулочке платье твое проблеснет,
просинеет сквозь тление
смертное
дитя мое бедное.

Эта лужа мировая
такая живая
метров пять до того края

а рядом смерть торчит
ржавая, витая
от строительства осталась
не вытянуть ее никак
такая жалость.

Белый снег
сквозь кустарник
достаточно места
дойти до горы
но небо темнеет
и времени нет
придется вернуться
на несколько лет.

Не на что рассчитывать.
Это хорошо.
Знаешь, впрочем, плохо-
потерял мундштук
вечером, в речушку
уронил с мостков
черный, эбонитовый
на меня похож.

Н.С.П.

Впереди вороний крик.
Здравствуй, друг.
Это парк или болото?
Ты оттуда? Я туда.

Впереди тупик, блевота.
Вавилонские ворота
и библейская вода.

Станция назначения —
Бог.
Прошу прощения,
но в результате красного смещения
семафора -
катастрофа
серафима.
Станцию проехали мимо.
Из окна была видна
Станция ВДНХ'а.